

18+

НАВЬЯ
ГАТЬ

ГЕННАДИЙ ХАРЛАМОВ

Геннадий Харламов

Навья гать

«Издательские решения»

Харламов Г.

Навья гать / Г. Харламов — «Издательские решения»,

Я не верил в нечисть. Пока не забрёл в Навью гать — болото, где лес словно дышит тебе в спину. Двое блогеров подобрали меня на трассе. Их цель — снять что-то жуткое для просмотров. Моя — просто выжить. Но здесь пропадают люди. Не возвращаются даже птицы. А по ночам из черноты доносится тяжёлое дыхание. Оно смотрит из-за деревьев. Оно не верит в камеры. Ему не нужны зрители. Оно просто ждёт. И когда ты останешься один — оно шагнёт на свет

© Харламов Г.

© Издательские решения

Содержание

Навья гать	6
Глава 2. Это что за покемоны?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Навья гать

Геннадий Харламов

© Геннадий Харламов, 2026

ISBN 978-5-0070-4923-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Навья гать

Глава 1. За мечтой

Я сидел в старой, пропахшей всем на свете электричке, прижимаясь спиной к сиденью, и смотрел, как за мутным стеклом проплывают деревья, поля, редкие деревни с синими заборами и брошенные остановки. До последнего не верил в то, что я решился. Я, главный планировщик и заклятый враг любой спонтанности, человек, который расписывает свой завтрак на три дня вперёд и не выносит сюрпризов, сейчас трясусь в электричке за четыреста километров от дома, еду за машиной, которую покупать не собирался.

Даже не так.

Я планировал покупку, да. Но в долгосрочной перспективе, такой, где всё взвешено, проверено, перепроверено и подстелено соломкой с трёх сторон. Я изучал форумы по ночам, читал про сильные и слабые стороны моделей, на которых в конце концов остановился. Сравнивал. Сомневался. Искал подводные камни там, где их, скорее всего, не было. Параллельно откладывал деньги с каждой зарплаты, стараясь максимально увеличить первоначальный взнос, чтобы потом не задыхаться от грабительских процентов. Целился в что-то новое, свежее, не старше двух-трёх лет, и в этом, как мне тогда казалось, было сразу несколько железобетонных причин. Во-первых, я не очень-то и разбираюсь в автомобилях. Так, на уровне рядового водителя: знаю, где щуп масла потрогать, колёса перекинуть, лампочку в фаре заменить. А во-вторых — времени у меня нет. Совсем. Работа, дом, быт, этот бесконечный круговорот дел, в котором даже на нормальный сон выкраиваешь с боем. Посвящать свои вечера и выходные вечному ремонту двадцатилетнего тарантаса, который каждую неделю придумывает новую болезнь, я был категорически не готов.

И вот сижу, значит, в один из вечеров. Дома. На диване. Телефон в руках, лента с объявлениями бежит вниз, машины сменяют друг друга — серые, скучные, дорогие, дешёвые, битые, крашенные, с пробегом, без пробега. И вдруг — он.

Volkswagen Golf R.

В наикрасивейшем, как мне тогда показалось, чёрном цвете. На огромных литых дисках, с небольшим пробегом, с фотографиями, от которых что-то ёкнуло в груди. Я понимал, что он не в моём бюджете. Понимал, что это перебор, что это из разряда «хочу, а не могу». Но я всё листал и листал его фотографии. Рассматривал фары, бампер, выхлопные трубы, панель приборов, руль, кресла — всё. И чувствовал себя мальчишкой, который пялится на игрушку в витрине, прекрасно зная, что мама не купит.

Позже, когда я встал готовить ужин, стоял у плиты, помешивал макароны и думал уже о чём-то своём, зазвонил телефон.

Я взял трубку, не глядя на экран. Просто на автомате: провёл пальцем, поднёс к уху, сказал привычное «алло?».

Любезный мужской голос на том конце представился менеджером автосалона. Того самого салона, где на площадке стоял чёрный красавец. Я даже не запомнил его имя — какое-то стандартное, Антон или Максим, — но голос был до ужаса приятным. Не навязчивым. Не продавленным. Такое редко встречается.

Он сказал, что видел, что я интересовался автомобилем. Сказал, что сейчас на эту модель действует специальное предложение. Скидка, выгодная ставка по кредиту, годовая гарантия и бесплатное техническое обслуживание. Я слушал и не верил. Слишком хорошо. Слишком складно. Слишком похоже на ловушку. Но что-то внутри — то самое, глупое, азартное, что я в себе обычно душил на корню, зашевелилось и довольно потянулось.

Утром я уже сидел в электричке.

Не знаю, как они это делают. Может, совпадение. Может, и вправду карма развернулась. Но факт остаётся фактом: спустя меньше суток после того, как я наткнулся на объявление, я трясусь в деревянном кресле, вдыхаю запахи копчёной курицы, пирожков с картошкой, чьих-то крепких сигарет и дешёвого кофе из термоса. Вагон наполнен бесконечными разговорами — кто-то говорит по телефону, кто-то ругается с соседкой, кто-то рассказывает историю своей жизни попутчику, который явно не просил. Я сижу и смотрю в окно, отбивая пятую точку о жёсткое сиденье на каждом стыке рельсов. Каждый такой толчок отзывается в позвоночнике, и я ловлю себя на мысли, что это, наверное, какая-то метафора. Меня трясёт. Буквально и фигурально.

В автосалон я успел приехать ещё до обеда. Сошёл с электрички, поймал такси — не хотелось разбираться в расписании автобусов, когда в голове уже включился режим «а что, если машина уйдёт?». Подъезжая к огромному стеклянному зданию с растяжкой «АвтоВин — честные цены», я почувствовал, как ладони стали влажными. Вытер их о джинсы, толкнул дверь.

Внутри было прохладно, пахло новыми шинами и кофе. Улыбчивая девушка на ресепшене, услышав, зачем я приехал, кивнула с пониманием профессиональной радушности и попросила подождать минутку. Сама скрылась за дверью с табличкой «Служебное помещение» и вернулась уже не одна.

Следом за ней шёл молодой парень. Лет двадцати пяти, наверное. Ушастый. Волосы зализаны, блестящие туфли — такие, знаешь, на тонкой подошве, какие надевают только либо на свадьбу, либо на собеседование, когда хотят показаться серьёзнее, чем ты есть. Чёрные брюки, белая рубашка с коротким рукавом, заправленная в эти брюки так, что создавалось впечатление, будто рубашку взяли на размер больше, а то и на два. Воротник топорщился. Парень явно старался, но получалось у него этакое «дорогой, но небогатый менеджер из второсортного салона».

— Глеб, да? — сказал он, протягивая руку. Рука была сухая и тёплая, и пожал он уверенно, без этой дурацкой тряски, которую любят некоторые.

— Да, — кивнул я, машинально замечая, как он сканирует мою одежду взглядом за долю секунды. Тоже навык такой. Торговый.

— А я Антон. Пройдёмте, я покажу вам вашу машинку.

Он махнул рукой — мол, иди за мной, я знаю дорогу, — и я пошёл. Мы пересекли небольшой первый этаж, где вдоль стен стояло с десяток автомобилей. Самых дорогих, судя по блеску и отсутствию ценников на лобовых стёклах. Новые «Мерседесы», «БМВ» с огромными решётками радиатора, пара «Ауди». У дальней стены сидели за столами покупатели, подписывали какие-то бумаги, менеджеры что-то им объясняли, тыкая пальцами в цифры. Я краем уха услышал слово «одобрение» и «ставка».

Мы вышли на улицу.

И тут я остановился.

Площадка была огромной. Не преувеличу, если скажу, что она тянулась на несколько футбольных полей. Ряды, ряды, ряды автомобилей — на любой вкус, цвет и, самое главное, кошелёк. От дешёвых китайских седанов до здоровенных рамных внедорожников, от маленьких городских хетчбэков до длинных, как вагоны, минивэнов. Антон шёл уверенно, почти не глядя по сторонам, пробираясь между машинами с ловкостью человека, который делает это по десять раз на дню. Я едва поспевал, бросая быстрые взгляды то налево, то направо, ловя себя на мысли, что здесь можно заблудиться. Мы удалялись от входа всё дальше и дальше, сворачивали, пересекали ряды, обходили лужи.

И вот в самом дальнем углу, там, где асфальт переходил в гравий, а гравий — в грязь после недавних дождей, стоял он.

Грязный. В пыли и разводах. Замызганный так, будто его специально сюда поставили и забыли на месяц.

— Вот, пожалуйста, — радостно махнул рукой Антон. Жест был театральный, почти как у фокусника, который сейчас достанет кролика из шляпы.

Я помолчал. Посмотрел на машину. Потом на Антона. Потом снова на машину.

— Чего он такой грязный? — спросил я. В голосе прозвучало больше недоумения, чем претензии, но осадочек, как говорится, остался.

Антон не моргнул глазом.

— Так дожди же были, — сказал он так, будто это было самое очевидное объяснение в мире. — А он вдоль дороги стоит. Пыль, грязь, сами понимаете. Вы не волнуйтесь, пока мы будем с вами документы оформлять, его помогут. До блеска. Хуже, чем из салона, не отдадим.

Я вздохнул. В принципе, логично. На то она и открытая стоянка.

Антон протянул мне ключи. Они были тёплыми — лежали у него в кармане, наверное.

— Осмотрите пока, — сказал он. — А я рядом буду, если что.

Я сел в водительское кресло, и оно приняло меня с уверенностью. Кожа — или хороший заменитель, я не разбираюсь, — была упругой, без потёртостей, и пахло в салоне приятно: не «химией» из освежителей, а чем-то нейтральным, почти домашним. Пластик, кнопки, рычажок коробки — всё на своих местах, всё выглядело добротно. Даже грязные следы на порогах, оставленные предыдущими зеваками, не портили общего впечатления. Я положил руки на руль — толстый, приятно шершавый, с меткой в двенадцать часов, — и почувствовал, как внутри разливается это глупое, детское «хочу».

Проблема была в том, что я ничего не понимал в том, что вижу.

Совсем.

Я не механик, не диагност, не перекупщик с двадцатилетним стажем. Я обычный парень, который умеет доехать из точки А в точку Б, не заглохнуть на светофоре и иногда поменять колесо, если инструкция на Ютубе не слишком длинная. А тут мне предстояло осмотреть автомобиль, который стоил как мои полгода жизни, и сделать вид, что я знаю, на что смотрю.

Я принял позу знатока.

Нахмурился. Немного. Так, чтобы казалось — я глубоко сосредоточен и вижу то, что обычному глазу недоступно. Провёл пальцем по шву на торпедо — там, где пластик стыкуется с панелью. Щель была ровная. Я кивнул, хотя понятия не имел, хорошо это или плохо. Потрогал руль — не люфтит. Подергал подрулевые переключатели. Включил поворотник — щёлкнуло как надо. Покрутил кружок климат-контроля — отозвался приятным тактильным щелчком, будто часы швейцарские.

«Молодец, — сказал я себе. — Выглядишь как профи».

Заглянул под руль. Там была какая-то панель, провода, разъёмы. Я сделал серьёзное лицо, пощупал один провод, убедился, что он не болтается, и удовлетворённо хмыкнул. Что я только что проверил? Не знаю. Может, колодку диагностическую? Может, проводку педалей? Главное — со стороны это выглядело убедительно. Антон, стоявший рядом с открытой водительской дверью, терпеливо молчал и не мешал. Молодец, не давил.

Потом я перебрался на пассажирское сиденье. Проверил, как закрывается дверь — с глухим, хорошим звуком, а не с жестяным бряцаньем. Подёргал ручку бардачка — открывается, не скрипит. Посмотрел в потолок — обшивка не отходит. Зачем я это делал? Понятия не имею. Но внутри сидел голос, который настойчиво твердил: «Ты должен выглядеть так, будто делаешь это каждый день. Будто ты перебрал сотню таких „Гольфов“ и знаешь о них всё».

Самое смешное, что я действительно накануне вечером посмотрел два ролика на Ютубе под названием «На что смотреть при покупке Golf 7». Запомнил ровно три вещи: зазоры кузовных панелей, состояние лакокрасочного покрытия и подтёки под капотом. Всё. Остальное вылетело из головы, как только я увидел цену.

Я вышел из машины, обошёл её вокруг, стараясь двигаться неспешно, даже лениво. Остановился у переднего крыла. Присел на корточки. Посмотрел вдоль кузова — так, как показывают в тех самых роликах, — и правда, вроде бы ровно. Никаких волн, никаких перепадов цвета. Краска блестела там, где не было пыли, и я даже различил мелкие блёстки в черноте. Металлик, значит.

Потом открыл капот.

Тут началось самое интересное. Под капотом было... ну, как обычно. Двигатель. Какие-то трубки, патрубки, провода, бачки. Я понимал ровно три вещи: жёлтая палка — это щуп масла, синяя крышка — это омывайка, а белый бачок — это, соответственно, тормозная жидкость. Всё остальное представляло собой тёмный лес.

Я сделал вид, что внимательно осматриваю двигатель. Наклонился поближе, зачем-то понюхал — пахло нормально, маслом и пластиком, без горелой проводки. Посмотрел на лобовое стекло снизу — там, где обычно течёт антифриз, если прокладка головки блока того. По крайней мере, так говорили на форумах. Вроде сухо. Потрогал какие-то шланги — упругие, не дубовые.

— А что по ДТП? — спросил я как бы между делом, выпрямляясь и стряхивая несуществующую пыль с коленей.

— Чистая, — ответил Антон с той лёгкой улыбкой, которая бывает у людей, которые слышат этот вопрос в сотый раз за день. — По отчётам ни одного ДТП. Можете своих экспертов привозить, если сомневаетесь.

Я кивнул, хотя эксперта у меня не было, не было даже знакомого, который шарит в машинах. Я был один со своим желанием, своим страхом и своим напускным спокойствием.

— Заводите, — сказал Антон.

Я сел обратно, нажал на тормоз, кнопку стартера. Двигатель ожил с тем бархатистым, чуть хрипловатым урчанием, которое у турбомоторов звучит как обещание. Не громко, не навязчиво, но с такой ноткой: «Я могу ехать, если ты готов». Покрутил руль влево-вправо — не закусывает. Нажал на газ — отклик быстрый, мотор уверенно поднимал стрелку тахометра. Послушал. Ни стуков, ни посторонних шумов.

— А что по сервисной истории? — спросил я, выключая двигатель.

— Всё в электронной базе, — кивнул Антон. — Каждое ТО у дилера. Последнее — три тысячи километров назад.

Я кивнул с умным видом, будто эти три тысячи что-то для меня значили. На самом деле я просто не знал, какой ещё вопрос задать. Голова работала на два фронта: один пытался найти подвох, второй — уже выбирал цвет чехлов на сиденья, хотя чехлы на кожаном салоне — это, конечно, варварство.

— А давайте тест-драйв? — сказал я, удивив сам себя смелостью.

— Конечно, — легко согласился Антон. — Только у нас маршрут такой: выезд со стоянки, направо, до светофора, разворот и обратно. Недалеко, но для понимания хватит.

Мы поехали.

Я вырулил со стоянки, и первые метра три ехал, как бабушка на рынок. Боялся. Машина чужая, дорога незнакомая, да и не на своём я авто — ответственность. Но потом, на прямой, я нажал на газ чуть смелее, и «Гольф» рванул. Не так, чтобы вдавило в кресло, но с тем самым «живым» ускорением, когда машина не думает, а просто едет. Коробка переключалась незаметно — раз, два, три, и вот уже шестидесяти, а ты не понял, как. Тормоза хватили с первой трети педали, без пустоты. Руль был приятно тяжёлым, информативным. Я вдруг почувствовал то самое: я за рулём, и мне это нравится.

Развернулся на светофоре, поехал обратно, вырулил на парковку, заглушил двигатель.

Сердце стучало чаще, чем надо.

— Ну как? — спросил Антон, хотя ответ и так читался на моём лице.

— Да нормально, — сказал я с напускной прохладой. — Пойдём оформлять.

И вот тут началось то, ради чего стоило готовиться отдельно.

Оформление кредита.

Мы поднялись на второй этаж, в маленький душный кабинет с жалюзи на окнах и пластиковыми стульями, которые скрипели при каждом движении. Антон усадил меня за стол, напротив сидела девушка в очках — менеджер по кредитованию, кажется, Наталья. Улыбчивая, быстрая, с пальцами, которые летали по клавиатуре, как два паука-бегуна.

— Итак, Глеб, давайте посмотрим, что нам могут предложить банки, — начала она.

И понеслось.

Ставки, сроки, переплаты, страховки — жизнь, здоровье, финансовые риски, КАСКО обязательно или необязательно, но без неё ставка выше, а с ней — первоначальный взнос больше. Проценты, ежемесячные платежи, графики, дополнительные комиссии, за рассмотрение заявки, за выдачу кредита, за обслуживание счёта. Наталья говорила быстро, профессионально, но для меня эти слова сливались в один длинный пугающий гул.

Я сидел и лихорадочно считал в уме.

Зарплата. Квартплата. Продукты. Связь. Подписки. И вот сюда, сверху, ещё и пятнадцать тысяч ежемесячного платежа. А если ремонт? А если резина? А если налог? А если страховка в следующем году? Цифры плясали, как чёртики на сковородке, и с каждым новым расчётом я понимал, что совершаю финансовую ошибку.

Не то чтобы я влезал в долговую яму с головой. Нет. Я всё ещё мог платить, мог даже иногда ходить в кафе и не доедать дошик. Но запас прочности, моя любимая подушка безопасности, которую я копил два года, схлопывалась на глазах. Если что-то пойдёт не так — уволюсь, заболею, что-то сломается, — я останусь без воздуха. Буквально.

«Ты дурак», — сказал мне внутренний голос голосом отца. «Ты сейчас подписываешь себе приговор на три года. Три года ты будешь работать на эту машину. Три года никаких спонтанных решений, поездок, ресторанов — только кредит, только бензин, только обслуживание».

Я посмотрел на Наталью. Она что-то щёлкала в своей программе и говорила про одобрение.

— ...а если взять на год меньше, то платёж будет уже двадцать две тысячи, но переплата меньше, — закончила она и посмотрела на меня выжидающе.

— Документы при вас? — спросила она.

— Да, — сказал я.

И полез в рюкзак за паспортом, правами, ИНН и справкой о доходах, которую я на всякий случай заказал на работе, хотя не был уверен, что куплю именно сегодня.

Пальцы чуть дрожали, пока я выкладывал бумажки на стол. Но внутри уже всё успокоилось. Потому что, пока Наталья сравнивала предложения банков, пока Антон ушёл готовить договор купли-продажи, пока я сидел в этом душном кабинете и чувствовал, как трещит моя финансовая дисциплина, — в голове всплывала одна картинка.

Чёрный «Гольф».

С огромными дисками.

С этим рычанием мотора на тест-драйве.

С запахом салона — нейтральным, почти домашним.

С тем чувством, когда руль ложится в руки, как литой.

И я понимал, что всё равно подпишу. Потому что три года — это не вечность. Потому что я устал ездить на автобусах и электричках. Потому что мне двадцать семь, и я имею право на глупую, эмоциональную, нерациональную покупку, даже если мой рассудок сейчас бьёт тревогу и прячется под стол.

— Глеб, — Наталья прервала мои мысли. — Один банк одобрил по ставке шестнадцать процентов, дургой — пятнадцать с половиной, но с обязательной страховкой жизни. Что выбираем?

Я посмотрел на неё, на цифры в её мониторе, на свою справку о доходах, которая лежала передо мной, как приговор.

— Давайте второй, — сказал я. — С жизнью.

Наталья кивнула, и её пальцы снова залетали по клавиатуре.

Я откинулся на скрипучий стул и закрыл глаза.

— Сейчас придёт СМС с кодом подтверждения, — сказала она. — Продиктуете.

Телефон завибрировал.

Я посмотрел на экран. Пятизначный код.

Вдохнул.

Выдохнул.

И продиктовал.

Всё. Обратной дороги не было.

Я сел за руль уже другим человеком.

Не тем, который час назад трясся в электричке, не тем, который с умным видом щупал патрубки под капотом. Я был владельцем. Оформили всё быстро — подписал, поставил галочки, поставил подписи в трёх экземплярах, отдал ключи на мойку, подождал двадцать минут, глядя, как из чёрной грязной машины появляется чёрная блестящая машина, и вот теперь сидел в тёплом, пахнущем свежей химией салоне, сжимал руль, смотрел на приборную панель и глупо улыбался. Навигатор на телефоне — старый, потрескавшийся «Сяоми», который я клял последние два года за тормоза, — проложил маршрут до дома. Четыреста семь километров. Пять часов двадцать три минуты без учёта остановок.

«Ну что, красавица, — мысленно сказал я машине, — поехали знакомиться».

Запустил двигатель. Тот самый бархатистый, чуть хриловатый звук наполнил салон, и я на секунду зажмурился от удовольствия. Правда, в этот раз — то ли оттого, что машина стояла в холодном боксе на мойке, то ли оттого, что я прислушивался внимательнее, — мне почудилось что-то ещё. Что-то едва уловимое, на грани восприятия. Не стук. Не скрежет. Так... добавочный тон. Как будто где-то глубоко, в недрах моторного отсека, кто-то очень тихо и очень ритмично перебирал костяшки пальцев — тук-тук-тук, тук-тук-тук. Я прислушался. Звук исчез. Или мне показалось?

«Нервничаешь, — сказал я себе. — Вот и слышишь всякую ерунду».

Выехал со стоянки. Навигатор равнодушным женским голосом скомандовал: «Через двести метров поверните направо». Я повернул, выкатился на шоссе, и тут — первый разгон. Не резкий, без педали в пол, но достаточный, чтобы почувствовать: машина хочет ехать. Она буквально просилась вперёд, как охотничья собака на поводке, которую едва сдерживают. Коробка переключалась плавно, незаметно, мотор отвечал на каждое движение педалью без задумчивости, без той мерзкой задержки, которая была у машин моих знакомых. Я вырулил на трассу, прибавил газу — и «Гольф» подобрался, присел на задние колёса и пошёл.

Сто, сто двадцать, сто тридцать — набирал легко, без напряжения. Ощущение было такое, будто я еду не по асфальту, а по маслу, так плавно и тихо двигатель тянул этот хэтчбек вперёд.

Я включил музыку.

Свой плейлист, старый, заезженный до дыр, и я застучал пальцами по рулю в такт. В салоне — тишина, вокруг — встреча, фуры, лесополосы. Красота.

Первый час пролетел незаметно. Я привыкал к машине, а она — ко мне. Нашёл удобную посадку, настроил зеркала, понял, где кнопка обогрева сидений, попробовал круиз-контроль. Всё работало. Всё было хорошо.

Но где-то в районе второго часа, когда я проезжал мимо указателя на какой-то затерянный в полях посёлок с названием типа «Красный Октябрь» и я снова услышал это.

Тук-тук-тук.

Тише, чем в первый раз. Или громче? Я не понял. Звук приходил откуда-то из-под капота, справа, со стороны пассажирского кресла. Я прибавил громкость музыки — утонуло в басах. Убавил — исчезло. Или притаилось.

— Ты чего, дурилка картонная? — вслух спросил я машину.

Она не ответила. Ехала ровно, как по рельсам. Температура масла в норме, давления в шинах — ноль жалоб, стрелка тахометра пляшет ровно, без скачков.

Я решил, что это особенности турбомотора. Что-то там с цепью ГРМ, с форсунками, с чем-то ещё, чего я не понимаю. На форумах писали, что «Гольфы» иногда постукивают на холодную, а потом стук уходит. Может, до конца ещё не прогрелась? Я глянул на температуру — девяносто градусов, рабочая. Ну, значит, просто характер такой. У кого-то жена вредная, у кого-то теща с характером, а у меня машина с ритмичным постукиванием. Бывает.

Я успокоил себя этим и снова вдавил педаль в пол, обгоняя фуру с черепашьей скоростью. Разгон — сердце ёкнуло от удовольствия — и вот я уже впереди, и стука нет, или я его не слышу за рёвом мотора.

Заехал на заправку через двести километров.

Где-то на полпути, перед большой развязкой, где обычно всегда стоят «Лукойл» и «Газпромнефть» друг напротив друга, выбирая того, у кого кофе не такой водянистый. Заглушил двигатель и на секунду замер — в тишине, без работающего мотора, мне показалось, что из-под капота доносится какой-то звук. Тонкое, высокое шипение, как будто где-то выходит воздух. Или кипит антифриз. Или мне опять показалось.

Я вышел, закрыл дверь, подошёл к колонке. Залил полный бак — почти под горловину, чтобы хватило до дома и ещё осталось на завтра. 95-й, естественно.

Пошёл на кассу оплатить, заодно купить кофе. Внутри былолюдно — суббота, народ тащится на дачи, с дач, в объезд пробок, куда-то ещё. Я встал в очередь, положил на стойку пачку салфеток, чтобы протереть стекло, хотя оно и так чистое, две шоколадки «Алёнка» и большой стакан американо с двумя сахарками.

— Красивая тачка, — сказал мужик в очереди позади меня. Лет сорока, в кепке с непонятной эмблемой, с авоськой в руках, из которой торчал пучок укропа. — Гольф, да?

— R-ка, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал скромно, но гордость всё равно просочилась, как масло из перегретого двигателя. — Сегодня забрал.

— Ого, — мужик присвистнул. — Дорогая игрушка.

— Точно, — улыбнулся я.

На кассе расплатился, взял кофе, вышел на улицу. И тут заметил — на парковке стоит мужик лет тридцати, опирается на свой старенький «Ford Focus» и смотрит на мою машину. Не так, как смотрят на чужое имущество — с завистью или с любопытством. А с каким-то грустным, но одобрительным взглядом. Как смотрят на бывшую девушку, которая нашла себя и теперь счастлива с другим. Я сел в машину, завёл — ровно, красиво, — и на выезде поймал в зеркало заднего вида его взгляд. Он всё ещё смотрел.

Я улыбнулся. Шире, чем хотел. Машина делала меня чуточку счастливее, чем я был на самом деле.

Выехал обратно на трассу, влился в поток, нажал на газ. Навигатор сказал: «Продолжайте движение прямо двести тридцать километров». Я выдохнул, отхлебнул кофе, поставил стакан в подстаканник — он идеально туда встал, всё продумано, немцы — и снова прибавил громкость.

Понеслось.

«Гнал» — это, наверное, громко сказано. В пределах разумного. Я не гонщик, не камикадзе. Но когда едешь на машине, которая ускоряется так, как будто ты не нажимаешь на газ, а

просто просишь её, а она уже летит — сложно удержаться. Сто сорок, сто пятьдесят. На некоторых участках, где трасса была пустой, я выжимал сто восемьдесят — и сбрасывал, потому что становилось страшно. В хорошем смысле. То самое чувство, когда закладывает уши от скорости, а ты улыбаешься, как дурак.

Машина шла как влитая. Никаких кренов, никаких вибраций. Даже на плохом асфальте, где старые заплатки и колея, она держала дорогу уверенно, будто приклеенная.

Музыка гремела. Я подпевал. Я был счастлив. Не тем глубоким, осмысленным счастьем, которое приходит от больших побед, а тем глупым, почти детским — оттого, что у меня есть эта машина, и я еду по трассе, и кофе горячий, и впереди выходные.

Тук-тук-тук.

Я не обратил внимания. Музыка громко, ветер шумит, шины шуршат — ну какой там стук.

Тук-тук-тук-тук.

Стало чуть громче. Или быстрее. Я прибавил музыку ещё на пару делений и ускорился, обгоняя длинную фуру с надписью: «Транспортные системы» на тенте. Всё нормально. Всё отлично.

ТУК-ТУК-ТУК-ТУК-ТУК.

Звук нарастал с каждой минутой. Теперь я уже не мог его игнорировать — он пробивался даже сквозь музыку, даже сквозь шум ветра. Я убавил громкость. Прислушался. Стук был частым, жёстким, металлическим. Не как перебирание костяшек — как если бы кто-то бил молотком по наковальне, только очень-очень быстро и очень-очень далеко.

— Что за хрень? — вслух спросил я.

На приборной панели всё горело ровно. Температура — норма. Давление масла — норма. Чек не загорался. Я протянул руку к магнитоле, чтобы совсем выключить музыку, и в этот момент машина дёрнулась.

Рывок. Как будто кто-то ударил сзади.

Я посмотрел в зеркало — никого.

Второй рывок — сильнее. Мотор начал трястись, вибрация пошла по кузову, руль задрожал в руках.

— Ну давай, давай, не надо, — прошептал я, как будто это могло помочь.

Педаль газа вдруг стала ватной. Я нажал — машина не ускорилась, наоборот, начала терять скорость. Дёрнулась снова. Из-под капота, с правой стороны, раздался громкий металлический хруст — не стук даже, а треск, как если бы кто-то запустил горсть болтов в работающий вентилятор.

Я включил аварийку, стал смещаться к обочине.

В тот момент, когда я почти остановился, из-под капота повалил дым.

Серый, густой, с приторно-сладковатым запахом, который мгновенно заполнил салон, пролез через вентиляцию, обжёг горло. Я закашлялся, открыл окно, заглушил двигатель.

Тишина.

Только ветер за окном и где-то далеко гул проезжающей фуры.

Я сидел, сжимая руль, и смотрел на капот, из которого тонкой струйкой, почти незаметной на ветру, поднимался дымок. В салоне воняло горелым пластиком и чем-то ещё — чем-то, что я не мог описать, но что западало в память как запах больших денег, которые только что сгорели.

— Ну, — сказал я в пустоту. — Ну, блин.

Попробовал завести.

Двигатель даже не пытался схватить. Просто молчаливое, бесполезное цоканье, как умирающий будильник. Я попробовал ещё раз — та же история. Ещё — тишина. Только стартер крутит впустую, и нет даже намёка на то, что мотор готов ожить.

Я вылез из машины, обошёл капот, открыл его. Из моторного отсека пахло жаром и горелым маслом. Визуально — всё на месте. Ничего не отвалилось, не пробило, не разлетелось вдребезги. Но я-то уже знал: что-то внутри умерло. Что-то важное, дорогое и, судя по звукам, требующее капитального ремонта.

Достал телефон. Хотел позвонить в салон — разобраться, высказать всё, что накипело. Но на экране горела надпись: «Нет сети». Поднял телефон повыше, отошёл от машины в сторону — пусто. Ни одной полоски. Вообще.

Я стоял посреди трассы. Вокруг — лес, поля, небо, облака. Ни одного населённого пункта на указателях поблизости. Ни одного проезжающего автомобиля в эту минуту. Только я, чёрный «Гольф» с открытым капотом и медленно остывающим двигателем, и запах горелого масла, который ветер уносил в сторону горизонта.

Злость накрыла волной.

На салон. На Антона с его улыбкой и «дожди же были». На Наталью, которая быстро считала проценты, пока я подписывал бумаги. На себя — самого главного идиота, который полез в кредит на эмоциях, который не проверил машину у независимого диагноста, который услышал стук и сделал вид, что ничего не произошло.

— Да твою ж мать! — заорал я в пустоту.

Лес не ответил. Только ветер чуть сильнее подул, будто вздохнул.

Я сел обратно в машину, хлопнул дверью, уставился в лобовое стекло. Передо мной — пустая трасса, убегаящая вдаль. Сзади — такая же пустая. Телефон мёртв. Двигатель мёртв. И я, владелец прекрасного чёрного «Фольксвагена», сижу посреди нигде и понимаю, что обратной дороги нет — в прямом и переносном смысле.

Через пять минут вдалеке показались фары.

Глава 2. Это что за покемоны?

Я сидел в машине и тупо смотрел на приборную панель.

Навигатор на телефоне всё ещё показывал маршрут домой. Четыреста семь километров, напоминала карта. Почти триста оставалось. Я проехал всего ничего, а казалось — вечность. Замкнутый круг из думок, самобичевания и глухой, бессильной злости, которая не находила выхода. В салоне всё ещё пахло горелым маслом и пластиком, хотя дым уже давно рассеялся. Вентиляция не работала — заглушил же двигатель. Или работала, но на аккумуляторе? Я не помнил. Мысли путались.

«Ты идиот, Глеб, — безжалостно подвёл итог внутренний голос. — Полный, законченный идиот. Тебя развели, как мальчишку на рынке. Стук слышал? Слышал. Промолчал. Тест-драйв был десять минут вокруг стоянки? Был. Ничего не заметил. Документы проверил? Даже VIN не пробил по базам. Эксперта не позвал. Доверился ушастому Антону с его „дожди же были“. Стоял с умным видом, щупал патрубки, делал эксперта из себя, а на деле — лох. Лох, который влез в кредит на три года. На что? На машину, которая проехала двести километров и сдохла».

Я закрыл глаза, откинулся на подголовник. Кожаное кресло — такая приятная, дорогая кожа — приняла меня с той же снисходительной уверенностью, что и пару часов назад в салоне. Только тогда я был счастлив, а сейчас просто хотел провалиться сквозь землю.

В голову полезли цифры. Первоначальный взнос — двести тысяч. Их я не верну. Кредит — миллион двести. Первый платёж — через месяц. А машина не едет. Ремонт двигателя на турбированном «Гольфе» — это, по слухам, от ста до трёхсот тысяч в лучшем случае. А если там всё плохо? Если поршни развалились? Если блок пробило? Тогда проще новый двигатель купить. А это ещё полмиллиона наверно. И всё это на человека, который только что выгреб из кармана последнее.

— Всё, — сказал я вслух. — Приехали.

Вышел из машины, хлопнул дверью. Звук был глухой, утробный, как удар по гробу. Я обошёл «Гольф» кругом, посмотрел на него со стороны. Красивый. Чёрный. Блестящий даже под пасмурным небом — вон как лак играет. Диски огромные, хищные. Выхлопная система с двумя патрубками — такие только у заряженных версий ставят. Внешне — мечта. А внутри — мертвец.

— Ну и на кой ты мне сдался? — спросил я машину.

Она молчала. Умная.

Я достал телефон. «Нет сети» — по-прежнему красовалось в левом верхнем углу. Четыре ноля. Ни одного деления. Я поднял трубку над головой, покрутился, отошёл на несколько метров в сторону леса — ничего. Глушь. Мёртвая зона. Тут связь, видимо, заканчивается сразу за последним городом, и следующая вышка где-то через лес, километров за двадцать.

«Всё, — повторил я уже в который раз. — Теперь точно приехали».

Трасса была пуста. Совсем. Как будто кто-то выключил движение. Я стоял на обочине, смотрел вдаль — ни одной машины. Ни в ту сторону, ни в другую. Асфальтовая лента уходила за горизонт, растворялась в мареве, и на ней не было ничего. Только деревья, поле, облака и я — маленькая чёрная точка на обочине больших дел.

«Ладно, — сказал я себе. — Психанул — и хватит. Дальше думаем».

Я решил ловить попутку.

Не потому, что верил в лучшее. Просто нужно было что-то делать. Стоять и ныть — это не вариант. Надо доехать до ближайшего населённого пункта, найти связь, вызвать эвакуатор. Потом разбираться с салоном, с гарантией, с юристами, с кем угодно. Но сначала — поймать тачку.

Я вышел на обочину, поднял руку. Большой палец вверх — классика. На лице — выражение «я не маньяк, просто беда приключилась». Хотя какой маньяк в джинсах и растянутом свитере, с тенью щетины на пол-лица и кругами под глазами? Скорее уж у меня вид опущенного жизнью офисного планктона, который вляпался в кредит и теперь голосует на трассе.

Минут через пять показалась первая машина.

Тёмный «Хёндай Солярис», седан, битый-перебитый, с мятым крылом и лопнувшим отражателем на бампере. Ехал небыстро, километров девяносто. Я энергичнее замахал рукой, улыбнулся — ну, давай, добрый человек, подвези. Водитель — мужик лет пятидесяти, в кепке, с лицом, которое видело всё и даже больше, — посмотрел на меня, на машину на обочине, перевёл взгляд обратно на меня и... поехал дальше. Даже не сбросил скорость. Даже не моргнул аварийкой.

— Да ну и пошёл ты! — крикнул я вслед, хотя он меня уже не слышал.

Внутри ёкнуло. Не от обиды даже — от одиночества. Я стоял посреди пустой дороги, моя машина заглохла, денег нет, связи нет, и первая же попавшаяся попутка проехала мимо, даже не задумавшись. Что я, по его мнению, грабитель? Или просто нищий, который потом начнёт кланчить деньги на бензин?

Вторую машину я ждал дольше.

Минут десять, наверное. Может, пятнадцать. Я уже начал мёрзнуть — ветер на трассе всегда злой, даже если на улице плюс. Продувает насквозь. Я поднял воротник, засунул руки в карманы и продолжал стоять, как солдатик, вытянув руку вперёд.

Вторая машина была «Ладой Вестой» — свежей, блестящей, с тонировкой. Её вёл парень лет двадцати пяти, рядом сидела девушка, на заднем сиденье — ребёнок в кресле. Типичная молодая семья, едет, наверное, от родителей к родителям или на море. Парень посмотрел на меня, замедлился на секунду — я уже обрадовался, — но потом, видимо, разглядел «Гольф» на обочине, оценил масштаб проблемы и нажал на газ. «Веста» ушла вдаль, оставив меня одного с чувством, что я какой-то прокажённый.

— Да что ж вы все такие, а? — спросил я в пустоту. — Я ж не прошу почку пересадить. Просто подбросить до города.

Ветер не ответил. Только сильнее подул.

Я отошёл к машине, опёрся на капот. Металл был ещё тёплым, но остывал на глазах. Как моя надежда. Как мой оптимизм. Как моя вера в человечество.

«Может, пешком пойти? — подумал я. — По навигатору смотреть, где ближайший посёлок. Километров десять-пятнадцать — не сахар, но дойду. Заодно ноги разомну. А машину потом эвакуатором...»

Мысль была здравая, но ноги уже гудели после тест-драйва и беготни по автосалону, а до этого — электричка, до этого — ранний подъём. Я бы дошёл, наверное. Но не хотелось. Не потому, что лень. Потому что оставлять машину одну на трассе — боязно. А вдруг пока я буду топтать, колёса снимут? Или стёкла разобьют? Или ещё что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.